

Злата Хитрова

Золотая кровь. В плену у наследника

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Содержит нецензурную брань

18+

Злата Хитрова

**Золотая кровь. В
плёну у наследника**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Золотая кровь. В плену у наследника / З. Хитрова — «Автор»,
2026

Я поступила в медицинскую академию, чтобы стать врачом. Но вместо диплома получила клеймо подопытной. Марк Волконский, богатый наследник знаменитого хирурга, вживил мне нейроимплант. Теперь я чувствую каждую его боль, каждое прикосновение и даже чужие эмоции. Он может заставить меня упасть посреди лекции. Лишить стипендии. Уничтожить мою жизнь одним нажатием кнопки. Только Даниил, молодой врач, верит мне и готов помочь. Но тайная лаборатория скрывает нечто страшнее наших мучений: исчезнувших студентов и торговлю человеческими органами. Марк тоже был подопытным. И теперь просит спасти его. А я должна решить, кого спасать первой: его, любимого мужчину или саму себя. Пока имплант не убил меня.

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Злата Хитрова

Золотая кровь. В плену у наследника

Глава 1

На втором этаже снова варят курицу. До меня добирается запах бульона, и желудок сводит так, что приходится упереться ладонью в подоконник. У кого-то за дверью есть ужин. У меня — девять дней до конца месяца и уведомление об оплате комнаты. Сумма на экране прежняя; проверяю зачем-то ещё раз. Стипендию я съела буквально, ложкой. Подработка в столовой принесёт деньги позже, а комендантша хочет их сейчас. Прижимаюсь лбом к стеклу и собираюсь с духом. Я пойду в лабораторию. Возьму свою кровь. Продам её — и останусь учиться.

Пробирка стоит в сейфе Марка Волконского, в подвале корпуса «Б». На ней мои фамилия и дата забора: я сама наклеивала этикетку, когда он попросил помочь. Тогда ещё радовалась, что староста меня заметил. У него там целая лаборатория для анализа крови. Мой образец местные брокеры называют «золотым», за такую группу платят больше, чем я должна обществу. Даниил говорил о знакомых, которые работают с донорами. Ему, конечно, не понравится способ добыть материал обратно. Мне тоже не нравится. Но под лестницей с учебником анатомии я жить не хочу.

Пожарная лестница качается под ногами. Я удерживаю её за перила, будто это поможет, и стараюсь наступать ближе к стене. Обычная дверь мне сегодня не подходит: пропуск отмечает время каждого входа. Зато тётя Люба ругалась на вентиляционную решётку, оставленную на одном винте. За ней технический этаж; в незапертом шкафу с химией лежит ключ от лабораторного коридора. Наконец-то её рассказы о халатных ремонтниках пригодились не только для перекура.

Винт поддаётся, решётка скребёт по бетону. Замираю, слушаю — никто не идёт. Протискиваюсь боком, цепляюсь курткой за край и едва не оставляю здесь карман. Внизу пахнет спиртом. Шкаф приходится искать на ощупь: сперва под пальцы попадает бутылка, потом несколько крышек, и только за ними связка. Ключ холодный, зубцы врезаются в ладонь. Я его нашла.

Хочу даже засмеяться — тихонько, себе под нос. Не успеваю.

— Ты серьёзно?

Кира Логинова стоит у двери лаборатории. Надо было включить фонарик хотя бы на секунду: заметила бы её раньше. Теперь поздно. Она успела увидеть и связку, и мою застрявшую в решётке куртку. На ней пальто с поясом, волосы убраны так аккуратно, словно она только что вышла из деканата. Смартфон держит экраном к себе. Мне достаточно того, что большой палец уже готов нажать вызов.

— Охрана будет здесь через минуту, — шипит Кира, и её глаза блестят от азарта. — Декан обожает, когда его дочь ловит воровок. Особенно таких грязных, как ты.

Ключ впирается в основание большого пальца. Переложить его нельзя — Кира сочтёт, что я тянусь к ней. Если она позвонит, объяснять про свою кровь я буду охраннику, потом декану. До диплома врача останется примерно столько же, сколько до Луны. Нет. Надо заставить её убраться телефон.

— Твои сигареты, — говорю я тихо. — Те самые, ментоловые, которые ты прячешь в коробке от витаминов. Я видела, как ты их бросила в мусор после экзамена по анатомии. Там был твой почерк на упаковке.

Кира приоткрывает рот. Палец останавливается над экраном; теперь она смотрит на меня, а не на ключ. Попала. Только бы не начать говорить слишком быстро.

— Что?

— Если ты хочешь скандала, давай устроим его вместе, — я делаю шаг вперёд, игнорируя инстинкт самосохранения. — Но тогда вся академия узнает, что «королева» курит на лестнице лабораторного корпуса, рядом со складом реагентов. А это уже вопрос этики. Вопрос твоего отца.

Она ждёт, что я отступлю. Я жду, что она вызовет охрану. Мы обе молчим, и у меня успевает вспотеть ладонь на ключе. Наконец Кира гасит экран, убирает смартфон в пальто. На моём бейдже задерживается дольше, чем нужно, чтобы прочесть фамилию. Запоминай. Я твою тоже знаю.

— Уходи, — командует она. — Быстро. И знай: это не прощение. Это временное перемирие.

Каблуки удаляются по коридору. Я остаюсь с ключом и очень разумным желанием вернуться в комнату. Сейчас ещё можно. И через девять дней можно собирать вещи. Представляю учебники в мусорном пакете, слипшиеся от снега страницы — и иду к лаборатории.

Ключ открывает коридор, но не саму лабораторию. У её двери отдельная панель, красная надпись требует отпечаток старосты либо код администратора. Ну конечно. Богатые тоже умеют беречь своё. Я один раз стучу кулаком, сразу жалею: кто-нибудь услышит. Вместо шагов за спиной гаснет верхний свет. Приборы за стеклом продолжают светиться зелёным. Резервное питание. Значит, внутри кто-то есть.

Замок щёлкает. Дверь отходит от рамы. Отступить бы, но я уже вижу край стола и сейф за ним.

На секунду думаю, что вернулась Кира. Потом различаю белый халат, широкие плечи над пультом. Марк Волконский. Я узнаю его даже со спины: на практических занятиях он так же стоит у стола, пока остальные ждут разрешения подойти. У сына главного хирурга оно всегда есть. У меня сейчас нет даже приличного объяснения, зачем я здесь.

Он не оборачивается сразу. Поворачивает регулятор на панели аппарата, увешанного проводами и датчиками. Я задеваю локтем стол; пустая пробирка катится к краю, и я ловлю её. Теперь Марк знает, где я, даже не оборачиваясь.

— Заблудилась, Ветрова? — его голос спокоен, бархатист и опасен.

— Искала... потерянные ключи, — ляпаю я первое, что приходит в голову.

Он поворачивается и смотрит сперва на связку, потом на меня. Два шага — и я уже упираюсь поясницей в стол. Его одеколон перебивает спирт. Сандал я узнаю: пахло так же, когда он давал мне подписать направление на анализ. Тогда он стоял дальше.

— Ключи? — он усмехается. Его взгляд падает на мою руку, все еще сжимающую пустую пробирку, которую я поймала у края стола. — Или доказательства того, что ты пытаешься украсть чужую собственность?

Он вырывает пробирку из моей руки. Марк ударяет пробиркой о край стола. Осколки сыплются на пол, один застревает у подошвы моего кеда.

— Теперь твоих отпечатков нет, — говорит он, хотя мы оба знаем, что это ложь. — Но мне не нужны проблемы с полицией. Мне нужно кое-что другое.

Кресло у стены напоминает стоматологическое. Только ремни на нём слишком широкие. Марк показывает ладонью на сиденье, как преподаватель на свободное место. Я смотрю на застёжки. Одна раскрыта, остальные готовы принять запястья.

— Ты редкость, Алина. Твоя кровь идеальна для синхронизации нервной системы. Мой новый имплант нуждается в калибровке. Живой термометр, который не знает, что он термометр. Согласие — и ты свободна. Отказ — и я вызываю охрану, показывая записи камер, где ты взламываешь дверь. Выбор за тобой.

— Вы сумасшедший, — шепчу я, пятясь назад. — Я не буду участвовать в ваших играх.

— Игра закончена, — рычит он.

Пятиться дальше некуда. Он хватается моё запястье; я пытаюсь ударить его второй рукой и попадаю в халат. Ткань даже не рвётся. Марк толкает меня к операционному столу. Металл холодит спину через футболку, ноги скользят по краю. Я кричу и цепляюсь за него пальцами, но он отрывает мою руку и затягивает ремень. Потом другую. На ногах застёжки щёлкают, пока я ещё пытаюсь понять, чем его ударить.

На вдохе ремень впивается в предплечье. Тяну руку обратно — больнее. Не тянуть тоже не получается. Марк ждёт, пока я перестану дёргаться, и вскрывает стерильный пакет. Игла. Серебряный кружок с проводками. Я знаю, что значит стерильность, но сейчас от этого пакета хочется орать сильнее: он подготовился. Всё это приготовил заранее.

— Не сопротивляйся, — приказывает он. — Будет больно. Но недолго.

В коридоре кто-то бежит. Я выворачиваю голову на звук, насколько позволяют ремни. Даниил Орлов останавливается в дверях. Он носил мне кофе, когда я засыпала над конспектами; сегодня я бы отдала что угодно за ту обычную усталость.

— Дань! — получается у меня. Только имя, без объяснений.

— Марк! — кричит он, увидев меня на столе. — Отпусти её! Я слышал шум!

Марк наклоняется к моему виску. Я стараюсь прижаться другой щекой к столу, но его ладонь держит голову. Укол. Затем давление возле уха, запах клея. Даниил хватается за плечо, тянет назад. Марк разворачивается и коротко бьёт. Даниил сгибается, держась за живот, — стоит, но вдохнуть не может. Я дёргаюсь ему навстречу, будто от этого ослабнут ремни.

— Стой, — говорит Марк, доставая скальпель.

Скальпель скользит по его предплечью. Я не сразу верю, что он это сделал сам. На коже выступает кровь; Марк даже не смотрит на руку. Смотрит на меня.

До моего стола он не дотронулся. Это я успеваю заметить.

Жжение проходит по предплечью — там, где он только что провёл скальпелем. Ремень на моей руке сухой. Кожа под ним цела. Я вижу это и всё равно чувствую разрез, глубже и шире, чем у него. Пытаюсь выдохнуть, кричу вместо выдоха. Даниил что-то говорит; я перестаю различать слова. Пульс расплывается, рядом с ним два белых халата, хотя Марк один. Не могу даже зажмуриться: веки будто тоже кому-то отдали.

Даниил переводит взгляд с пореза на меня. Всё ещё держится за живот после удара, другой рукой цепляется за стол. Ему надо меня отвязать. Я пытаюсь сказать это, но слышу свой хрип. На мне нет раны — он видит, что её нет, — а кровь у Марка продолжает стекать по пальцам.

— Что... что это? — шепчет Даниил, глядя на меня широко раскрытыми глазами ужаса.

Марк проверяет показания на экране и улыбается. Я смотрю на эту улыбку с расстояния вытянутой руки и никак не могу добраться до его лица.

— Калибровка завершена, — произносит он спокойно.

Силы тянуть ремень кончаются. Рука Марка оказывается надо мной; капля срывается с пальцев. Прямо в глаз. Пытаюсь моргнуть, стереть её щекой о стол. Горячо. Последнее, что успеваю подумать: это ведь даже не моя кровь.

Глава 2

Марк задел плечом колонну, проходя в аудиторию. Я бы не заметила — обычное неловкое движение, — если бы моё левое плечо не пронзило так, что я выронила сумку. Он даже не остановился. У меня подогнулись ноги. Конспекты выскользнули из расстёгнутой молнии; лист с плечевым сплетением уехал под чьи-то ботинки. Вчера я два часа срисовывала эту схему. Теперь отлично понимаю, где какой нерв.

Упираюсь ладонью в линолеум, потом локтем. Вдохнуть удаётся со второй попытки. Надо мной смеются, негромко, чтобы преподаватель не выглянул. Кира Логинова стоит ближе остальных. Её каблук висит над моим блокнотом; хватать его за угол я боюсь. Она легко наступит на пальцы, а виновата всё равно буду я.

— Осторожнее, Ветрова, — Кира растягивает слова, давая соседям время обернуться. — Ты даже ходить нормально не умеешь. Грязная уборщица, которая путает свои ноги со своими же нервами.

Кира шагает через бумаги. До моего локтя остаётся сантиметра два — специально ведь. Я подтягиваю к себе блокнот, шоркаю коленом, ловлю остальные листы. Боль понемногу отпускает. Марк задерживается у двери аудитории, смотрит через плечо и усмехается. Хоть бы один человек спросил, что со мной. Хоть бы перестал снимать тот парень у окна.

Формалин чувствуется ещё у двери. Сую мятые листы под тетрадь и сажусь, пока никто не отнял место. Звягинцев обводит нас взглядом поверх очков; у меня он задерживается на красном пятне возле виска. — Практическая часть требует допуска. Анализ крови. Стандартная процедура академии. Строго по списку.

Я ищу медсестру среди людей у кафедры. Не из лаборатории Волконского, пожалуйста. Если образец уйдёт туда, ещё одна пробирка станет его. «Золотая» группа теперь значит не деньги за комнату, а то, что меня не оставят в покое. Прижимаю край рукава к запястью. Хочу спрятать руки, как маленькая.

— Староста курса поможет медсестре оптимизировать процесс, — говорит профессор.

Марк встаёт ещё до того, как профессор заканчивает. Медсестра не успевает предложить ему перчатки: он забирает шприц, тянется ко мне. — Алина, давай сюда руку. Быстро. У нас мало времени.

Протягиваю левую руку. Спорить при профессоре? После того, что я сейчас устроила у колонны, он только посчитает это капризом. Марк сжимает запястье и разворачивает локоть вверх. Я держу ладонь раскрытой, пытаюсь не дёрнуться. Его большой палец давит сильнее. Не выдерживаю, прикусываю язык; если закричу, он сделает вид, что я боюсь иглолки. У меня даже причины боли больше нет своей.

Он наклоняется, чтобы медсестра не услышала, и шепчет мне возле уха: — Не дёргайся,мышь. Я хочу видеть твои глаза. Хочу знать, что ты чувствуешь каждое мгновение моего контроля.

Игла входит в вену. Я смотрю на красную струйку, потом на Марка. Он ждёт, что я отведу глаза. Не дожётся. Когда цилиндр наполняется, он вынимает иглу, суёт шприц в лоток перед медсестрой. Она подаёт мне ватку. До этого простого движения вдруг хочется дотянуться обеими руками. Марк уже поправляет манжету по дороге к первому ряду.

С ваткой на сгибе локтя выхожу в коридор. У окна опять Кира. Рассматривает себя в стекле, не обращая внимания на меня. Новая кожаная куртка; я помню, как она сбросила ссылку на неё в общий чат, и зачем-то цену тоже помню. Столько я за год не получаю. Кира могла бы выкупить мой долг и не заметить расхода. Но она ждёт меня здесь явно не для этого.

— Знаешь, Ветрова, — начинает она, не оборачиваясь. — Отец сегодня подписал приказ. Выселение из общежития. За нарушение санитарных норм. Пока приказ приостановлен до

разбирательства, но не обольщайся. Твоя работа уборщицей в лаборатории... ну, скажем так, оставляет следы. Грязные следы.

Я сжимаю кулаки. — Это ложь.

— Это факт, — Кира поворачивается и улыбается, проверяя, слышу ли я каждое слово. — Тебя ломают системно, Алина. Чтобы ты не сопротивлялась, когда начнутся настоящие опыты. Ты думаешь, это просто вражда? Нет. Это очищение поля для хозяина. И ты уже на нём.

Я остаюсь у окна. Кира даже не требует, чтобы я её умоляла; заготовила эту речь, сказала и ушла. Значит, приказ действительно есть. Значит, про жильё они уже договорились, пока я считала дни до оплаты. Прижимаю ватку сильнее и замечаю на рукаве маленькое красное пятно. Снова стирать. Завтра после смены. Если завтра будет где.

На столе стоит кювета с препаратом. Нервный узел, который нужно выделить, я уже нашла на схеме. Работа обычная: сейчас сделаю первый разрез, дальше станет легче. Только руки дрожат. Прячу левую под стол, чтобы хотя бы она не мешала правой. Профессор поворачивается к соседнему ряду. Хорошо. Пусть пока не смотрит.

Большой палец будто пронзают иглой. На миг забываю, что держу скальпель, и сжимаю его сильнее. Лезвие уходит в препарат глубже, чем нужно, чиркает по дну кюветы. Консервирующая жидкость выплёскивается на край тетради. Я успеваю только поднять инструмент. Перерезанное уже не соединить.

— Ветрова! — профессор отодвигает мою кювету, чтобы соседний ряд тоже увидел. — Что вы творите?! Вы уничтожили уникальный экспонат! Работа негодная. Двойка. И предупреждение: ещё одна ошибка, и вы будете исключены.

Профессор замолкает, а я всё держу скальпель над испорченным препаратом. Надо положить его. Положить, пока не порезалась по-настоящему. Марк напротив прячет правую руку под столом, улыбается, и у меня снова жжёт возле ногтя. Он ковыряет кожу ножом. Не спешит, даёт мне почувствовать каждое движение. Я смотрю на него, пока Звягинцев ждёт оправданий.

— Позвольте, — говорит кто-то от двери.

Даниил заглядывает в дверь. Он дежурил в коридоре и, видимо, услышал профессора. Лоб у него морщится, когда он видит мою руку со скальпелем. — Студентка в состоянии шока. Бледность, холодный пот, тремор конечностей. Прошу дать ей пять минут на отдых перед оценкой.

Марк выпрямляется. Я замечаю телефон у него на колене. Не успеваю предупредить Даниила. — Включить, — беззвучно говорит Марк и касается экрана.

Сзади под лопаткой словно прижали раскалённый металл. Вчера там был только пластырь датчика. Я хватаюсь за край стола и промахиваюсь. Кричу. Колени ударяются о пол, плечо — о ножку стола. Рукой тянусь к спине, хотя знаю: сорвать с себя эту боль нечем. Футболка обычная, сухая, а мне кажется, что она горит.

— Ненадежная! — кричит профессор, отступая от меня. — Вызовите охрану! Уберите эту истеричку! Она симулирует!

Охранники входят так быстро, будто уже ждали снаружи. Подхватывают меня под руки, не дают даже встать самой. Я успеваю увидеть Даниила: он тянется ко мне, но один из них выставляет плечо. — Пустите! — кричу я. — Я могу идти!

Им удобнее тащить. Мои подошвы скользят по полу, и это почему-то стыднее самого крика.

В подсобке для переодевания охранник отпускает меня возле шкафа. Я хватаюсь за его дверцу, чтобы не упасть. Он выходит, гасит свет. Замок щёлкает. Сквозь щель у порога видна полоска коридора; больше здесь смотреть не на что. Пахнет хлоркой, оставленной кем-то открытой.

Глава 3

Замок снова поворачивается. Кира проходит первой, за ней две подруги. Я успеваю оттолкнуться от шкафа и сесть прямо. Лучше бы осталась лежать: теперь ей удобнее снимать. — Ну здравствуй, расходник, — она наводит на меня телефон. Вспышка бьёт в глаза. — Скажи «мяу».

Закрываю лицо ладонями. Подруга Киры хватается меня за запястье, другая тянет за волосы. Не сильно, сначала даже почти осторожно. Ровно до того места, когда я вынуждена запрокинуть голову. — Плачешь? Просишь помощи? — Кира держит телефон всё ближе. — Никто тебе не поможет, Алина. Кроме тех, кто тебя ломает. Запомни это лицо. Это лицо неудачницы.

Они уходят обсуждать, какую музыку поставить под видео. Я слышу это у двери. Сажусь на пол, прислонившись затылком к шкафу. Спина ещё ноет, но уже можно выдохнуть до конца. Едва становится легче, хочется благодарить за это Марка. За то, что перестал. От этой мысли выворачивает сильнее, чем от ожога.

С закрытыми глазами замечаю, что канал не затих. Просто боль в нём сменилась другим ощущением. Марк кого-то боится. Улавливаю страх и жду, что он снова ударит; но страх нарастает без меня. Вспоминаю главного хирурга, его отца. Я видела, как Марк вставал при его появлении, даже если остальные ещё сидели. Теперь это послушание отзывается у меня под рёбрами.

Приоткрываю глаза. На сгибе локтя уже засохла маленькая полоска крови; я осторожно сгибаю руку и распрямляю. Марк мог оставить меня в покое после забора, но выбрал устроить спектакль со скальпелем. Никакой отец не держал тогда его пальцы. Я сама видела, как он смотрел на меня через стол.

Очень хочется решить, что мы похожи и он меня поймёт. Тогда можно попросить. Тогда появится надежда, которую сегодня отняли вместе с комнатой. Я хватаю себя за рукав, сжимаю ткань в кулаке. Нет, Алина. Он знает, как тебе больно, и выбирает продолжать. Если буду ждать его доброты, могу не дожидаться даже утра. Нужно, чтобы чего-нибудь ждал он.

Поднимаюсь, держась за шкаф. В его зеркале видно расплывшуюся тушь; вытираю её мокрым рукавом, останавливаюсь, когда кожа начинает саднить. Вот в таком виде я встречу Марка. Никакой аккуратной жертвы для его камеры не получится.

Когда Марк открывает дверь, я уже стою. Он смотрит на пол, потом на меня: рассчитывал увидеть там. Пульт держит в руке. Похоже, пришёл проверить, сколько от меня осталось после Киры.

Подхожу сама. На первом шаге покалывает висок; он проверяет связь, и я почти останавливаюсь. Ещё шаг. Смотрю в его глаза, облизываю пересохшие губы. На языке кровь, я ведь прикусила его у кафедры. Говорить вслух боюсь — голос выдаст. Поэтому произношу только губами:

— Ещё.

Марк опускает пульт на несколько сантиметров. Снова смотрит на мои губы, будто прочёл неправильно. Я выдерживаю паузу, хотя под футболкой холодный пот. Вот теперь не знает, что нажимать.

— Ты потеряла стипендию, Ветрова, — говорит он, опуская пульт.

— Я знаю, — отвечаю я. — И я здесь.

Выхожу мимо него, не прижимаясь к стене. Ноги всё ещё плохо держат, приходится идти медленнее, чем хочется. Марк не хватается меня. Не кликает. Дохожу до угла и только там позволяю себе схватиться за перила. Он остановился. На секунду, может быть, но я сама заставила его остановиться. Это я запомню.

От муляжа пахло резиной, от пальцев — мылом. И всё равно на языке стоял жжённый сахар с алкоголем. Марк пил виски; что именно, я теперь узнавала без бутылки перед глазами. Хоть бы запивал водой. Хоть бы оставил мне возможность закончить практическую часть, раз уж я не могу помешать его вечеринке. Казалось, он далеко, в баре. Мне от этого легче не становилось.

Игла прошла мимо края разреза. Один плохой стежок, второй — ещё хуже. Я выдернула нить, прижала муляж к столу и попыталась рассчитать следующий прокол. В этот момент Марк глотнул опять. Меня передёрнуло, в виске отдало так, будто я сама запрокинула голову. Однокурсница справа отодвинула свои инструменты. Боится, что я и ей всё испорчу. У неё хотя бы есть выбор, отодвинуться.

— Ветрова, сосредоточься! — голос преподавателя хирургии был сухим, как бумага. — У тебя три минуты до конца практической части.

Пластиковый живот передо мной стал двоиться. Если сейчас стошнит, мой допуск к практике будут обсуждать до конца курса. Я положила иглу в лоток и держала руку над ним, чтобы преподаватель видел: инструментом не размахиваю. — Можно перерыв? Голова кружится...

Он показал на кабинет подготовки инструментов. Я вышла, придерживаясь за столы; дверь за спиной щёлкнула слишком громко.

Следом повернулся ключ. Снаружи. Я ещё держала ручку и почувствовала, как её заблокировало.

Навалилась плечом на дверь. Ещё раз, сильнее. Бесполезно. За деревом засмеялась Кира. — Ой, кажется, кто-то забыл ключи внутри. Но ты же справляешься со всем сама, да, нищенка? Попробуй выжить без воздуха.

Я дёрнула ручку, хотя уже проверила её. У Киры снаружи были ключ и время; у меня внутри — чужое пьянство и ещё три минуты на работу. По скуле прошёл удар. От него я мотнула головой, задела стену и получила свою боль вдобавок к Марковой. Перед глазами поплыли пятна. Сползла на пол, обхватив живот. Дышать ртом, медленно. Я знала, как надо. Только тело почему-то не хотело выполнять инструкции.

Над шкафом зашипел кондиционер. Холодный воздух ударил в лицо; я подняла голову к решётке и впервые за несколько минут втянула полный вдох. Ключ в двери повернулся. Сразу стало страшно: если снова Кира, я уже не смогу сидеть прямо для её камеры.

Вошёл Даниил. Быстро оглядел меня, дверь, открытый шкаф с инструментами. Закрыв дверь за собой и присел, чтобы быть на уровне моих глаз. Я хотела сказать ему, что всё нормально. Не вышло даже этой привычной лжи.

— Смотри на меня, — он показал ладонью темп. — Медленный вдох, длинный выдох.

Я смотрела на его пальцы, ждала, когда они опустятся. Получалось слушаться их, если собственным нервам было плевать на мои просьбы.

Левую руку я спрятала под край юбки. Даниил уже видел, что Марк сделал в лаборатории; объяснять новые синяки всё равно было стыдно. Опять не ушла, опять позволила, опять пришлось помогать. — Иди, — прошептала я. — Они увидят.

Он не повернулся к двери. Так и сидел напротив.

Он достал бутылку воды и отвинтил крышку, прежде чем протянуть. Я бы сейчас сама не справилась с этой мелочью. Сделала глоток, ещё один; бутылка тихо хрустела в ладонях. Даниил считал выдохи, я старалась не торопиться. Горло перестало сводить. До нормального состояния было далеко, но теперь можно было хотя бы сказать, что мне плохо.

Преподаватель вернулся за мной. Подпёр дверь ладонью и спросил, долго ли ещё ждать. За его плечом оказался Марк. В костюме, с застёгнутым воротом, словно никакого бара не было. Может, его и не было — вкус виски обманул меня. Но ускоренный пульс не обманывал. Он смотрел на нас с Даниилом, а у меня сердце всё чаще колотилось между рёбрами.

— Ты бледная, Алина, — Марк вошёл и остановился рядом. — Что-то не так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.